

DOI 10.15826/izv2.2022.24.2.031

УДК 930(470) + 930.1 Сюзюмов + 94(495) +
+ 94(470):930

Т. В. Куш

¹*Институт всеобщей истории РАН*
Москва, Россия

²*Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

НАРУШАЯ КОНВЕНЦИЮ: УЧАСТИЕ М. Я. СЮЗЮМОВА В ПОДГОТОВКЕ «ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ»

В статье рассматривается история написания трехтомного труда «История Византии» (1967). Создание «метанарративов» в 1950–1960-е гг. предполагало освещение истории отдельных государств с позиций марксистской трактовки исторического процесса и с применением методов исторического материализма. Кроме того, коллективная работа над ними демонстрировала научную конвенцию историков-марксистов. Эти установки реализовывались и при подготовке «Истории Византии». Членом редакционной коллегии и одним из основных авторов многотомника был свердловский ученый Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982). Некоторые письма, сохранившиеся в Архиве РАН и Государственном архиве Свердловской области, отражают его участие в подготовке «Истории Византии», сложности прохождения его текстов и его оценку результатов общей работы. В статье освещается концепция ученого, которой он придерживался при написании глав, анализируются критические замечания в адрес его текстов, отмечается расхождение его трактовок с утвердившейся в отечественной историографии оценкой истории Византии. Критике подверглись подготовленные Сюзюмовым главы об источниках по ранневизантийской истории, истории Церкви и исторической роли Византии. Оценка М. Я. Сюзюмовым византийской оппозиции и отрицание прогрессивности их взглядов, его трактовка византийского феодализма и места империи во всемирной истории противоречили духу и концепции коллективного труда. В итоге две его главы не были включены в итоговый вариант. Для достижения научной конвенции пришлось жертвовать оригинальными трактовками, предложенными свердловским ученым. Выход же в свет «Истории Византии» М. Я. Сюзюмов оценил высоко, хотя и отмечал очевидные ее недостатки и слабые стороны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская историческая наука; М. Я. Сюзюмов; «История Византии»; советское византиноведение; историография

Ц и т и р о в а н и е: *Куш Т. В.* Нарушая конвенцию: участие М. Я. Сюзюмова в подготовке «Истории Византии» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 155–166. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.031>

Поступила в редакцию: 17.01.2022

Принята к печати: 11.04.2022

Tatiana V. Kushch¹*Institute of World History of the RAS*
Moscow, Russia²*Ural Federal University*
Ekaterinburg, Russia

**VIOLATING THE CONVENTION:
M. JA. SJUZJUMOV'S PARTICIPATION IN THE PREPARATION
OF THE *HISTORY OF BYZANTIUM***

This article examines the history behind the writing of the three-volume *History of Byzantium* (1967). In the 1950s and 1960s, the writing of “meta-narratives” meant covering the history of different states from the standpoint of the Marxist interpretation of the historical process and using the methods of historical materialism. In addition, collective work on them demonstrated the scholarly convention of Marxist historians. These principles were also implemented during the preparation of the *History of Byzantium*. A member of the editorial board and one of the main authors of the multi-volume work was Mikhail Jakovlevich Sjuzumov (1893–1982), a Sverdlovsk scholar. Some letters kept in the Archive of the Russian Academy of Sciences and the State Archive of Sverdlovsk Region reflect his participation in the preparation of the *History of Byzantium*, the difficulties his texts underwent during the publication process, and his assessment of the results of the collective work. The article considers the scholar's concept which he adhered to when writing the chapters, analyses critical remarks about his texts, and emphasises the discrepancy between his interpretations and the assessment of the history of Byzantium established in Russian historiography. The chapters prepared by Sjuzumov and devoted to sources on early Byzantine history, the history of the church, and the historical role of Byzantium were criticised especially harshly. Sjuzumov's assessment of the Byzantine opposition and denial of the progressiveness of their views, his interpretation of Byzantine feudalism and the place of the Empire in world history contradicted the spirit and concept of the collective work. As a result, his two chapters were not included in the final version of the *History of Byzantium*. To achieve an academic convention, it was necessary to sacrifice the original interpretations proposed by the Sverdlovsk scholar. Nevertheless, Mikhail Sjuzumov highly appreciated the publication of the *History of Byzantium*, although he noted its obvious shortcomings and weak points.

Key words: Soviet historical science; M. Ja. Sjuzumov; *History of Byzantium*; Soviet Byzantine studies; historiography

For citation: Kushch, T. V. (2022). Narushaia konventsiiu: uchastie M. Ja. Sjuzumova v podgotovke “Istorii Vizantii” [Violating the Convention: M. Ja. Sjuzumov's Participation in the Preparation of the *History of Byzantium*]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(2), 155–166. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.031>

Submitted: 17.01.2022

Accepted: 11.04.2022

Перед советскими историками стояла задача осветить всемирно-исторический процесс с позиций марксистско-ленинской методологии. Показать достижения советской историографии и одновременно дать отпор буржуазным фальсификациям исторического прошлого должны были масштабные проекты по изданию коллективных трудов, выдержанных в духе формационного подхода и марксистского понимания роли движущих сил в истории. Коллекциальность же работы над подобными «метанарративами» должна была демонстрировать «научную конвенцию» историков-марксистов в освещении отдельных периодов истории человечества [Метель, с. 143]. Образцовым в этом отношении стало издание многотомной «Всемирной истории», выходявшее с 1955 по 1965 г. Ее третий том был посвящен средневековому периоду. Рассматривая исторический процесс как закономерную смену общественно-экономических формаций, советские медиевисты трактовали средневековый период как «эпоху возникновения, развития и упадка феодального способа производства, феодальных общественных отношений во всемирном масштабе» [Всемирная история, т. 3, с. 7]. Создание коллективных трудов, которые бы освещали историю отдельных государств с позиций марксистской трактовки исторического процесса и с применением методов исторического материализма, превратилось в ведущий тренд советской науки 1950–1960-х гг. Одним из страноведческих «метанарративов» и стала трехтомная «История Византии» [История Византии], работа над которой активно велась в первой половине 1960-х гг.

Возрожденное в конце 1930-х гг. византиноведение к началу 1950-х гг. уже заметно окрепло как институционально, так и кадрово: прошла серия защит кандидатских и докторских диссертаций по византийской проблематике [Сашанов, 2016а, с. 130], действовало несколько научных центров (созданная еще в 1939 г. византийская группа при Ленинградском отделении Института истории АН СССР и группа по истории Византии в Институте истории АН СССР, возникшая в 1943 г. и преобразованная в 1955 г. в сектор византиноведения [Сашанов, 2016б, с. 848]). С 1947 г. регулярно издавался воссозданный «Византийский временник». Видный медиевист Е. А. Косминский, много сделавший для обновления византиноведческих исследований в нашей стране, на защите кандидатской диссертации А. П. Каждана в 1946 г. говорил, что «наше, когда-то славное, византиноведение пришло в полный упадок, и мы сейчас возрождаем его прежнее значение, возрождаем ту мировую роль нашего византиноведения, которую оно когда-то играло в науке» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 134, л. 26]. А уже в 1951 г. он отметил, что оформившееся советское византиноведение «добилось значительных успехов в сравнительно короткий срок» [Косминский, с. 73]. Наличие специалистов по разным периодам византийской истории и опыт коллективной работы, полученный при подготовке «Всемирной истории», «Византийских очерков» и «Византийского временника», делали возможным написание целостной истории Византии, разумеется, на основе марксистской методологии.

Ответственным редактором многотомника значился академик С. Д. Сказкин, однако всю организационную и редакторскую работу вела З. В. Удальцова

[Лебедева, Пиотровская, Слядзь, с. 16], формально являвшаяся заместителем ответственного редактора. Перед авторами коллективного труда была поставлена задача представить историю Византии в свете формационной теории. В докладе, сделанном З. В. Удальцовой на заседании Ученого Совета Института истории АН СССР 20 октября 1966 г., подчеркивалась концептуальная целостность подготовленного к тому времени трехтомника: «В этом труде впервые последовательно проводится общая марксистская концепция (здесь и далее подчеркивания принадлежат З. В. Удальцовой. — Т. К.) всего исторического развития Византии с IV по XV в., дается теоретическое осмысление основных этапов становления, расцвета и начала разложения феодализма в Византийской империи» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 575, л. 8–9]. Признавая ведущую роль в историческом процессе экономического базиса, в издании, тем не менее, уделялось определенное внимание и надстроечным явлениям. В таком комплексном подходе к освещению византийской истории редколлегия многотомника видела его принципиальное отличие от аналогичных работ, выходивших за рубежом. З. В. Удальцова отмечала: «Характерной чертой обобщающего труда советских византинистов, выгодно отличающей его от новейших работ подобного рода, созданных в византиноведческой науке, — является органическое слияние социально-экономической и политической истории Византии с историей культуры и образованности. При преобладающем значении социально-экономических факторов достаточное внимание уделяется истории науки, философии, искусства и литературы» [Там же, л. 9–10]. В соответствии с марксистско-ленинским подходом, следовало уделить особое внимание «проблемам классовой борьбы в империи, а также столкновениям различных группировок внутри господствующего класса, — вопросам, которые до последнего времени обычно игнорируются в буржуазной науке» [Там же, л. 10]. Кроме того, советские историки стремились «показать подлинную роль народных масс в истории Византии» [Там же].

На подготовку коллективного труда были мобилизованы все силы возрожденного отечественного византиноведения. Основная часть работы по написанию глав коллективного труда легла на плечи московских и ленинградских историков, представлявших новую генерацию советских византиноведов. Наряду с ними членом редакционной коллегии и одним из основных авторов «Истории Византии» был свердловский ученый Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982), яркий и неординарный исследователь, олицетворявший живую связь с дореволюционным русским византиноведением¹. М. Я. Сюзюмов написал в общей сложности девять из 57 глав и два раздела в коллективных главах. Подводя итоги работы над многотомником, З. В. Удальцова особо отметила заслуги свердловского ученого: «Крупный вклад в создание “Истории Византии” внес М. Я. Сюзюмов, которому принадлежит 10 глав, объемом 15 п. л.» [АРАН,

¹ О научной биографии М. Я. Сюзюмова см.: [Поляковская, 2001; 2010].

ф. 1577, оп. 2, д. 575, л. 8]². Некоторые письма, сохранившиеся в Архиве РАН и Государственном архиве Свердловской области, отражают его участие в подготовке многотомного издания, сложности, возникшие при прохождении его текстов, и его оценку результатов общей работы³.

М. Я. Сюзюмову, обладавшему широкими научными интересами и концептуальным видением исторического прошлого, была поручена подготовка среди прочего двух наиболее важных глав, открывавших и завершавших коллективный труд: «Источники по истории Византии IV — первой половины VII в.» и «Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории». Кроме того, он писал и весьма сложную, с учетом господствовавшей идеологии, главу о христианской церкви в ранней Византии. Именно эти его тексты и навлекли на себя наибольшую критику при обсуждении готовящихся томов. Суть и характер высказанных критических замечаний в полной мере отражают те ключевые моменты, по которым взгляды Сюзюмова расходились с утвердившейся в отечественной историографии оценкой византийского государства и общества.

Весной 1962 г. в секторе византиноведения Института истории РАН состоялось обсуждение представленных Сюзюмовым глав об источниках и истории церкви. Автор лично не присутствовал, и секретарь редколлегии З. Г. Самодурова переслала ему замечания, высказанные в ходе обсуждения. К сожалению, письмо с перечнем замечаний не сохранилось. Однако в архивном фонде Зинаиды Владимировны Удальцовой, руководившей работой над коллективным трудом, обнаружено письмо Сюзюмова, где он отвечал на критику оппонентов, благодаря чему можно реконструировать высказанные претензии и прояснить авторскую позицию относительно концепции глав.

Прежде всего, критике подверглась компоновка источников, отобранных для анализа, и характер их освещения. Рецензенты указали на то, что автор главы при характеристике ранневизантийской историографии на первое место поставил сочинения тех авторов, которые занимали прогосударственную позицию и поддерживали политику императоров, тогда как идейно-политическая оппозиция, которой с марксистских позиций следовало бы уделить первостепенное внимание для демонстрации остроты классовой борьбы в ранней Византии, оказалась на периферии повествования. Пытаясь отстоять свою точку зрения, М. Я. Сюзюмов писал З. В. Удальцовой, что он, структурируя материал, стремился исходить из идеологической направленности анализируемых источников: «на первом плане стоит та группа источников, которая идеологически шла за “новатором”, за “сокрушителем основ” — т. е. за Константином⁴. Иначе нельзя — новое должно стоять на первом плане. Затем шла оппозиция» [АРАН, ф. 1913, оп. 1, д. 133, л. 20]. Логика изложения, которой следовал Сюзюмов,

² Указав, что М. Я. Сюзюмовым было написано в общей сложности 10 глав, З. В. Удальцова или не учла один небольшой раздел, или же сосчитала главу, которая в итоге не вошла в третий том.

³ Его письма, адресованные главе советского византиноведения З. В. Удальцовой, в которых среди прочих затрагивалась и тема подготовки «Истории Византии», недавно были мною опубликованы: [Куш].

⁴ Речь идет о Константине I Великом.

состояла в том, чтобы прежде всего показать те источники, которые, как того требовала официальная историография, фиксировали кардинальные изменения, происходившие в Восточной Римской империи, и только затем показать иную точку зрения современников на события ранневизантийской истории.

Коллеги, выступившие на обсуждении, оспорили также характеристику, данную Сюзюмовым сочинениям «оппозиционных» авторов. Их не устроила его оценка взглядов византийских писателей, критиковавших императорскую власть и проводимую ею политику. Так, автору главы вменялись слабое отражение позиции идейно-политических противников ранневизантийских императоров и отрицание прогрессивности их взглядов, а также отсутствие развернутой характеристики сочинений оппозиционно настроенных писателей. По мнению Сюзюмова, в ранней Византии оппозиция, не имевшая конкретных целей и программы, была «идейно бедной» [АРАН, ф. 1913, оп. 1, д. 133, л. 20], а потому не являлась носителем прогрессивных идей. Более того, он считал ее позицию реакционной. Критика императоров и их политического курса, звучавшая из уст оппонентов власти, не носила конструктивного характера, они лишь отмечали отдельные недостатки правления того или иного императора, что было, по замечанию Сюзюмова, характерно для любого монархического правления [Там же]. Наличие оппозиции, полагал он, отнюдь не свидетельствовало об остроте классово-борьбы. Сюзюмов писал: «Ломка старого происходила при ужасающих страданиях всех прослоек населения империи — и оппозиционеры именно тем и ценны, что дали конкретные факты страданий населения, а насчет их политических идей и взглядов — нет особенного смысла передавать суждения людей, которые плакали, что... власть находится не в их руках... Конечно, можно дать много об оппозиции, но это не оппозиция со стороны прогресса» [Там же, л. 20 об.]. Такая оценка роли идейной оппозиции расходилась с марксистско-ленинским подходом в освещении политической борьбы в Византии.

Звучали и замечания по поводу того, что автор главы уделил недостаточно внимания агиографии и сочинениям Отцов Церкви. С этой критикой Сюзюмов был полностью согласен, однако опасался, что развернутую характеристику таких источников не пропустит цензура: «Конечно, можно много сказать и об отцах церкви. Но я убежден, что в дальнейшем это придется вычеркнуть — опыт энциклопедии показал это⁵. Относительно агиографии, конечно, написано мало — с удовольствием написал бы много, но не пойдет ли это все в корзину?» [Там же]. Сюзюмов, всегда высоко ценивший сведения христианских авторов, тем не менее прекрасно понимал, что в советской науке господствовал антирелигиозный дискурс, а потому разделы, посвященные значению христианской литературы как исторического источника, окажутся уязвимыми и вряд ли будут напечатаны.

⁵ Ранее М. Я. Сюзюмов столкнулся с жесткой цензурой при подготовке статей для «Советской исторической энциклопедии». Стоит отметить, что именно Сюзюмову было поручено написать для данной энциклопедии статью «Византия», несмотря на его особую точку зрения, шедшую вразрез с утвердившейся в советской науке оценкой византийской истории.

Не удивительно, что в том виде, в каком ее предложил Сюзюмов, глава не могла появиться в идеологически выверенном академическом издании. В итоге в «Историю Византии» вошла глава, подготовленная З. В. Удальцовой в соответствовавшем канонам советской историографии виде. И лишь один небольшой раздел этой главы, посвященный анализу вспомогательных источников, был написан ею совместно с М. Я. Сюзюмовым [История Византии, т. 1, с. 63–65].

Обсуждение главы, посвященной истории христианской церкви в позднеантичный период, также не прошло гладко. Автора критиковали за то, что в тексте не отражены догматические споры раннего периода, нет характеристики церковных соборов, слабо представлена роль монашества в церковной жизни. Авторская концепция главы состояла в том, чтобы показать в ней исключительно административное устройство и организационную структуру церкви, а догматические разногласия и проведение соборов осветить в контексте внутренней жизни империи, поскольку, считал Сюзюмов, «догматические споры были политическими лозунгами» [АРАН, ф. 1913, оп. 1, д. 133, л. 20 об.]. На его взгляд, Вселенские соборы являлись важнейшим событием внутривластной жизни империи, а их решения определяли вектор внешней политики государства [Там же], и поэтому логичнее было осветить отношения церкви и государства в главах о политической истории. В том же ключе он оценивал и роль монашества, которое было вовлечено в политические события того времени. Он считал целесообразным рассмотреть этот аспект в другой главе: «О монашестве, разумеется, интересно было бы очень много написать и написано очень много интересного, но политическая роль монашества в государстве мною введена в разделы отношения государства и церкви» [Там же, л. 21]. Другими словами, Сюзюмов стремился показать внутрицерковные проблемы в неразрывной связи с внутри- и внешнеполитическими процессами ранневизантийского периода. Эти сюжеты он считал необходимым включить в главы, посвященные характеристике государства и церковной политики императоров. В итоге, Сюзюмову пришлось дорабатывать главу с учетом высказанных замечаний.

Критику своих текстов и несогласие коллег с его концепцией М. Я. Сюзюмов воспринял крайне болезненно. В сердцах он даже заявил, что считает роковой ошибкой свое участие в подготовке труда, предчувствует дальнейшие нападки и огульную критику на этапе обсуждения макета, появление «подметных писем» недоброжелателей, выступления «самовлюбленных верхоглядов», что не только внесет нервность, но и застопорит работу [Там же]. Тяготило и то, что он не имел возможности присутствовать на обсуждениях, чтобы в живом споре опровергнуть аргументы оппонентов и защитить свою позицию. Но, несмотря на неудовлетворенность и необходимость подстраиваться под конъюнктуру, он продолжил работать над теми главами, которые были поручены ему ранее.

Сложности возникли и с завершающей главой, посвященной роли Византии в мировой истории. Над ней М. Я. Сюзюмов интенсивно работал в 1965 г., о чем свидетельствует его корреспонденция. Руководитель проекта З. В. Удальцова

торопила: «Жду Вашу заключительную главу к “Истории Византии”, уверена, что она, как все Ваши работы, будет очень интересна» [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 253, л. 5]. Глава действительно обещала быть интересной — Сюзюмов всегда отличался нестандартностью мышления и оригинальностью оценок. Работая над текстом, он сформулировал для себя следующую задачу: «изобразить то колоссальное значение, которое имеет Византия в истории человечества, ту роль, которую она сыграла на прямой дороге, генеральном пути развития к коммунизму» [АРАН, ф. 1913, оп. 1, д. 133, л. 23]. Не беря во внимание упоминание о коммунизме (это не более чем *signum temporis*), данная фраза точно выражает оценку Сюзюмовым роли Византии в мировой истории: он считал ее прогрессивной и отметал сконструированный историками прошлого образ византийского государства как реакционного и деспотичного.

В главе Сюзюмов настойчиво проводил отстаиваемую им концепцию континуитета в развитии общественных институтов Византии, складывавшихся в результате трансформации позднеантичных рабовладельческих структур, что определило поступательность и прогрессивность исторического развития Византии, в отличие от Запада, пережившего регресс общественного строя вследствие разрушительных последствий варварских вторжений. Он писал: «Я старался показать прогрессивность роли Византии... Конечно, пережитки рабовладельческого общества губительно отражались на прогрессе, хотя и не в той мере губительно, как пережитки родоплеменного общества на Западе!» [Там же]. В условиях доминировавшей в советской науке точки зрения, идеализировавшей общинный строй германцев и признававшей прогрессивную роль варваров в становлении средневековой Европы, подобная оценка представлялась нарушающей научную конвенцию историков-медиевистов.

М. Я. Сюзюмов высоко оценивал уровень развития византийской цивилизации, служившей образцом в средневековом мире, и подчеркивал, что византийское общество жило полнокровной жизнью, империя являлась примером прочного и сильного государства, а византийская культура внесла колоссальный вклад в развитие человечества [Сюзюмов, с. 33, 43]. Сама же Византия, принимавшая на себя удар за ударом со стороны кочевников Востока, стала щитом для Западной Европы, обеспечив той относительно спокойное развитие. Характеризуя Византию, Сюзюмов постоянно подчеркивал ее типологическое отличие от Западной Европы и особый путь ее развития, поскольку длительное сохранение в Византии сильного государства с «дорогостоящей централизованной бюрократией», римской правовой системы и городской культуры, игравших ключевую роль в «оформлении новых структурных связей», тормозило утверждение феодальных отношений западноевропейского образца [Там же, с. 34–44]. Не отрицая постепенного складывания в Византии феодальных институтов, историк всегда указывал на их специфику, вызванную долгим сохранением пережитков рабовладельческой системы, следствием чего стало сосуществование частной и феодальной собственности, централизованного и частновладельческого способов эксплуатации, феодального и римского права, и пр. [Там же, с. 35, 38].

Однако свердловский ученый прекрасно осознавал, что такая его трактовка может расходиться с генеральной линией («общим направлением “Истории Византии”», как обозначил ее сам Сюзюмов [АРАН, ф. 1913, оп. 1, д. 133, л. 23]), проводимой в коллективном труде. Понимая это, Сюзюмов хотел сначала показать текст З. В. Удальцовой. Сложность при подготовке итоговой по характеру главы состояла и в том, что Сюзюмов не читал тексты своих коллег, выводы которых могли расходиться с предложенной им итоговой оценкой. Работа над главой шла сложно, поскольку нужно было вписать огромный материал в ограниченный листаж (был выделен один авторский лист) и не повторить уже сделанные выводы. По признанию ученого, он несколько раз полностью переписывал текст («Пишу... и несколько редакций уже разорвал...») [Там же]. Увы, глава также не вошла в итоговый вариант многотомника из-за несоответствия идей Сюзюмова научной конъюнктуре. В заключительной главе «Истории Византии», подготовленной З. В. Удальцовой, византийский феодализм, несмотря на указание его специфических черт, представлен типологически близким западноевропейскому [История Византии, т. 3, с. 306–307]. Если Сюзюмов настаивал на принципиальных отличиях византийского феодализма от институтов, сложившихся на Западе, то З. В. Удальцова, напротив, подчеркивала их сходство, несмотря на более медленное их оформление.

О том, что выводы и оценки Сюзюмова противоречили духу и концепции коллективного труда, косвенно свидетельствует дальнейшая судьба главы, подготовленной для «Истории Византии», но отклоненной редколлегией. В 1968 г. она была опубликована в «Византийском временнике» в виде отдельной статьи «Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории» [Сюзюмов]. Показательно, что к ее названию было добавлено (очевидно, не самим автором) уточнение: «в порядке дискуссии», что означало отмежевание редакции журнала от точки зрения Сюзюмова и признание спорности его выводов. Эта публикация позволяет понять, каким виделся Сюзюмовым итог коллективного труда.

И все же выход в свет «Истории Византии» Сюзюмов воспринял с воодушевлением, отдавая должное усилиям З. В. Удальцовой, главного вдохновителя этого коллективного труда [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 163, л. 4]. Однако он полагал, что с методологической точки зрения монография появилась рано, поскольку советская историография еще не смогла полностью отрешиться от вульгаризированных интерпретаций марксистского учения, характерных для исторической науки 1930-х гг. («еще не удалось преодолеть псевдомарксистских элементов покровщины» [Там же]). С нескрываемой досадой и «прямо-таки с физической болью» он воспринял наличие опечаток, которые он неоднократно пытался исправить на этапе корректуры макета. Особенно тяжелым ударом для него стала ликвидация сносок, которыми он снабдил свои главы: «В главе о церкви было 44 сноски — осталось 11, а в последующих главах почти все сноски исключены» [Там же]. Причем подобным купюрам подверглись исключительно его главы, тогда как сноски к текстам других авторов были полностью сохранены.

Этот коллективный труд имел немало недостатков. Одним из наиболее существенных, по мнению ленинградской исследовательницы Е. Э. Липшиц, также являвшейся автором ряда глав, стало отсутствие вводной части, предваряющей основной текст: «Почему нет никакого предисловия с характеристикой целей издания?» [АРАН, ф. 1913, оп. 1, д. 111, л. 3]. Действительно, вводный раздел, где обосновывались бы цели, задачи и подходы авторского коллектива, для подобных трудов крайне необходим. Почему редакция решила обойтись без него, можно только догадываться.

Подготовка «Истории Византии» велась без отдельного финансового обеспечения — исключительно силами византиноведов, работавших на энтузиазме ради общего дела. Е. Э. Липшиц отмечала, что «издание безгонорарное, а для многих из нас и внеплановое» [Там же, л. 1]. Более того, авторам первого тома пришлось заплатить собственные деньги за переверстку тех глав, в которые вносилась правка на этапе корректуры. Так, Сюзюмов внес в кассу 22 руб. 60 коп. [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 253, л. 4] — немалые по тем временам деньги, если учесть, что розничная цена каждого тома составляла 2 руб. 50 коп. Авторские экземпляры не полагались, приходилось самостоятельно приобретать выходявшие тома.

Тем не менее, при всех очевидных недостатках и слабых сторонах этого труда и наличии в нем многочисленных технических недочетов, Сюзюмов высоко оценил издание и сравнивал его появление с ледоколом, «который прорезал лед для дальнейших исследований о сущности роли Византии в истории человечества» [ГАСО, ф. Р-802, оп. 1, д. 163, л. 4]. Для советской историографии выход «Истории Византии» действительно стал важной вехой, свидетельствовавшей об уровне развития византиноведческих исследований в СССР.

Советский историограф О. Л. Вайнштейн, оценивая коллективную работу над многотомником, отмечал: «Непреодоленные еще разногласия по некоторым общим проблемам истории Византии не явились препятствием к созданию большого коллективного труда — трехтомной “Истории Византии”, который подводит итоги уже достигнутому и явится началом нового этапа в развитии советского византиноведения» [Вайнштейн, с. 382]. Не исключено, что безличное упоминание Вайнштейна о «непреодоленных разногласиях» среди советских византинистов относилось в том числе и к позиции М. Я. Сюзюмова, не совпадавшей по ряду вопросов с доминировавшими в советской науке оценками. Однако для достижения научной конвенции приходилось жертвовать оригинальными трактовками ключевых моментов византийской истории, предложенных свердловским ученым, который всегда «плыл против течения исторических исследований в СССР» [Kazhdan, p. 253].

Источники

АРАН — Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 143, 575; Ф. 1913. Оп. 1. Д. 111, 133.

Всемирная история : в 10 т. / под ред. Е. М. Жукова и др. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1957. Т. 3.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163, 253.
История Византии : в 3 т. / отв. ред. С. Д. Сказкин. М. : Наука, 1967.

Исследования

- Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л. : Наука, 1968.
- Косминский Е. А. Итоги и задачи советского византиноведения // Вестник АН СССР. 1951. № 5. С. 62–75.
- Куц Т. В. К истории советского византиноведения: письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 318–392. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.020>
- Лебедева Г. Е., Пиотровская Е. К., Слядзь А. Н. З. В. Удальцова как организатор советского византиноведения (к 100-летию члена-корреспондента Академии наук СССР З. В. Удальцовой) // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2018. Вып. 4 (2). С. 9–27.
- Метель О. В. Между организационными сложностями и концептуальными противоречиями: подготовка «Всемирной истории» советскими исследователями конца 1940-х — начала 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 140–154. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.030>
- Поляковская М. А. Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время // Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 5–22.
- Поляковская М. А. Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982) // Портреты историков: время и судьбы / отв. ред. Г. Н. Севостьянов ; сост. В. Я. Головин. М. : Наука, 2010. Т. 5. С. 132–143.
- Сашанов В. В. Опыт защит диссертаций историками-византинистами в 1940–1950-е гг.: к постановке проблемы // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX — середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2016а. С. 119–131.
- Сашанов В. В. Становление советского византиноведения в 40-е–50-е годы XX века: институциональный аспект // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016б. Т. 158, № 3. С. 840–850.
- Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии и ее место в всемирной истории (В порядке дискуссии) // Византийский временник. 1968. Т. 29. С. 32–44.
- Kazhdan A. M. Ja. Siuziumov et les études Byzantines // Byzantion. 1983. Т. 53, F. 1. P. 250–257.

References

- Kazhdan, A. (1983). M. Ja. Siuziumov et les études Byzantines. *Byzantion*, 53(1), 250–257.
- Kosminsky, E. A. (1951). Itogi i zadachi sovetskogo vizantinovedeniia [Results and Tasks of Soviet Byzantine Studies]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 5, 62–75.
- Kushch, T. V. (2021). K istorii sovetskogo vizantinovedeniia: pis'ma M. Ja. Sjuzumova k Z. V. Udal'tsovoi [On the History of the Soviet Byzantine Studies: The Correspondence of M. Ja. Sjuzumov to Z. V. Udal'tsova]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 318–392. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.020>
- Lebedeva, G. E., Piotrovskaya, E. K., & Slyadz', A. N. (2018). Z. V. Udal'tsova kak organizator sovetskogo vizantinovedeniia (k 100-letiiu chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR Z. V. Udal'tsovoi) [Z. V. Udal'tsova as an Organizer of the Soviet Byzantine Studies (for the 100th Birthday of the Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR Z. V. Udal'tsova)]. *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 4(2), 9–27.
- Metel, O. V. (2022). Mezhdru organizatsionnymi slozhnostiami i kontseptual'nymi protivorechiiami: podgotovka "Vsemirnoi istorii" sovetskimi issledovateliami kontsa 1940-kh — nachala 1960-kh gg. [Between Organisational Difficulties and Conceptual Contradictions: The Preparation of the *World History* by Soviet Researchers of the Late 1940s — Early 1960s].

Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 24(2), 140–154.
<https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.030>

Poljakovskaja, M. A. (2001). Mikhail Jakovlevich Sjuzumov: uchenyi i vremia [Mikhail Jakovlevich Sjuzumov: The Scholar and His Time]. In M. Ja. Sjuzumov, *Vizantiiskie etudy* [Byzantine Studies] (pp. 5–22). Ekaterinburg: Ural University Press.

Poljakovskaja, M. A. (2010). Mikhail Jakovlevich Sjuzumov (1893–1982). In G. N. Sevost'yanov, & V. Ya. Golovin (Eds.), *Portrety istorikov: vremia i sud'by* [Portraits of Historians: Time and Fate] (Vol. 5, pp. 132–143). Moscow: Nauka.

Sashanov, V. V. (2016a). Opyt zashchit dissertatsii istorikami-vizantinistami v 1940–1950-e gg.: k postanovke problemy [The Experience of Defending Dissertations by Historians Byzantinists in the 1940s and 1950s: On the Articulation of the Issue]. *Dissertatsiia po istorii v kontekste rossiiskoi nauchnoi kul'tury XIX – serebryy XX vv.: opyt i perspektivy izucheniia: sbornik statej* [Dissertation on History in the Context of Russian Scholarly Culture of the 19th – Mid-20th Centuries: The Experience and Prospects of Study: Collection of Articles] (pp. 119–131). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press.

Sashanov, V. V. (2016b). Stanovlenie sovetskogo vizantinovedeniia v 40-e–50-e gody XX veka: institutsional'nyi aspekt [Formation of Soviet Byzantine Studies in the 1940s–1950s: Institutional Aspect]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 158(3), 840–850.

Sjuzumov, M. Ja. (1968). Istoricheskaia rol' Vizantii i ee mesto v vseмирной istorii (V poriadke diskussii) [The Historical Role of Byzantium and its Place in World History (By Way of Discussion)]. *Vizantiiskii vremennik*, 29, 32–44.

Weinstein, O. L. (1968). *Istoriia sovetskoi medievistiki. 1917–1966* [The History of Soviet Medieval Studies. 1917–1966]. Leningrad: Nauka.

Куш Татьяна Викторовна

доктор исторических наук

¹ главный научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН

119334, Москва, Ленинский пр., 32а

² заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: tkushch@yandex.ru

Kushch, Tatiana Victorovna

Dr. Hab. (History)

¹ Chief Researcher

Institute of World History of the RAS

32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia

² Head of the Department of Ancient and Medieval History

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

Email: tkushch@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

WoS ResearcherID: H-9248-2017

Scopus AuthorID: 57214235683